

УДК 323.22(470.62/.67):316

С.Р. Хайкин, Н.П. Попов
ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (ЧАСТЬ II)

ХАЙКИН Сергей Романович — директор Института социального маркетинга (Инсомар), профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. E-mail: s.khaikin@gmail.com.

ПОПОВ Николай Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Опираясь на опросы общественного мнения в республиках Северного Кавказа, авторы показывают, что в регионе нарастает недовольство населения. Наряду с общими для всей России проблемами каждая территория и народ имеют свою актуальную повестку для возмущения. Именно эти специфические темы являются катализатором протестной активности. Волна солидарности с московскими протестами к лету 2012 г. докатилась до Северного Кавказа. Хотя лозунги и лидеры столичных митингов не близки большинству населения региона, сама возможность публично выразить свои чувства оказалась созвучна потребностям людей. Можно предположить в обозримом будущем рост протестной активности на Северном Кавказе. Авторы полагают, что купить лояльность населения, снизить протестный потенциал только политтехнологическими методами или даже репрессиями не удастся. Необходима политическая воля, чтобы решать проблемы, которые волнуют население.

Ключевые слова: Северный Кавказ, протестные настроения, протестный потенциал, сепаратизм, эффективность деятельности государства.

Кто ответственен за нерешаемые проблемы

Население республик Северного Кавказа, как показывает исследование, весьма низко оценивает эффективность властей, их результативность в решении наиболее острых проблем, беспокоящих жителей республик. Ниже всего оценивается эффективность республиканской власти. За исключением жителей Чечни, которые в последние годы выражают, по крайней мере в опросах общественного мнения, высокую степень удовлетворения руководством республики и его деятельностью, низкую оценку эффективности работы республиканских властей дают около половины жителей (45–59%), среднюю — 30–46% и высокую — от 1 до 9% (табл. 8)³.

© Хайкин С. Р., Попов Н. П., 2012

³ Нумерация таблиц и рисунков дана в продолжение части I статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала.

Таблица 8 Ответы на вопрос: «Как вы в целом оцениваете эффективность (результативность) работы республиканских властей – как высокую, среднюю или низкую?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Высокую	10	1	9	1	2	1	56
Среднюю	37	30	45	45	31	46	30
Низкую	45	59	45	48	54	47	4
Затрудняюсь ответить	8	10	0	6	14	6	10

Примечание: здесь и далее ДР – Республика Дагестан, ИР – Республика Ингушетия, КБР – Кабардино-Балкарская республика, КЧР – Карачаево-Черкесская республика, СО-А – Республика Северная Осетия-Алания, ЧР – Чеченская республика.

Кроме Чечни, несколько более высокую оценку эффективности республиканской власти дают жители Ингушетии, что соответствует их более позитивным оценкам состояния дел в решении многих проблем, а самую критичную оценку – жители Дагестана.

Примечательно, что эффективность федеральной власти люди оценивают несколько выше, чем республиканской во всех республиках, кроме Чечни, где оценка выше у республиканской власти. Но и здесь низкую оценку федеральной власти дают лишь 7%, по сравнению с 27–41% в остальных республиках (см. табл. 9).

Таблица 9 Ответы на вопрос: «Как вы в целом оцениваете эффективность (результативность) работы федеральной власти в нашей республике – как высокую, среднюю или низкую?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Высокую	10	2	13	3	4	4	39
Среднюю	45	42	54	49	42	49	39
Низкую	31	40	33	41	33	27	7
Затрудняюсь ответить	14	15	1	7	22	21	15

Исследование показало, что недовольство руководством своей республики продолжает усиливаться. Это отмечается во всех республиках, кроме Чечни. Наибольший рост недовольства фиксируется в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Дагестане. В Ингушетии треть отмечают рост недовольства, а в Чечне – лишь 11% участников опроса (см. табл. 10).

Таблица 10 Ответы на вопрос: «Вы замечаете или не замечаете вокруг себя недовольство людей властями, руководством республики? И если замечаете, то в последнее время это недовольство усиливается или ослабевает?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Не замечаю	18	12	22	11	17	8	46
Усиливается	43	50	35	55	43	56	11
Остается неизменным	28	30	34	26	31	30	18
Ослабевает	5	2	9	4	1	2	18
Затрудняюсь ответить	6	7	1	5	8	5	7

Усиление критики власти в разных республиках стимулируется различными факторами, однако одна тенденция превагирует повсюду: недовольство властью растет прежде всего в связи с бедностью людей — в группах, характеризующих материальное положение своей семьи как плохое, рост недовольства властью в 1,5–2 раза выше, чем среди тех, кто называет материальное положение своей семьи как хорошее или скорее хорошее. Молодежь и лица со средним образованием несколько больше склонны выражать недовольство властью, в Кабардино-Балкарии наибольшее число недовольных — среди людей с высшим образованием.

Социологические исследования в республиках, проведенные в апреле и июле 2012 г., показывают, что недовольство властями находится на предельно высоком уровне, что может вылиться в протестные акции по поводу любой острой проблемы, не решаемой властями. Так, в Ингушетии и Кабардино-Балкарии только 9 и 7% опрошенных отмечают снижение недовольства властью.

В дискуссиях в фокус-группах участники также выражали высокую неудовлетворенность деятельностью властей в решении наболевших проблем общества.

Надо дать людям возможность стать участниками тех или иных решений. Это значит, что надо создать нормальную политсистему и институтов гражданского общества, СМИ плюс гражданское общество. Другого выхода нет... Для регионов Северного Кавказа это самая больная тема (СО, эксперт).

Мы дотационная республика, почему бы не проконтролировать, куда уходят эти деньги (КЧР, старший возраст).

Вот приняли программу «Юг России». Кто-то что-то заметил? Хотя десятки, сотни миллиардов ушли (КЧР, старший возраст).

Поснимал бы всех поголовно руководящих, устроил бы референдум, узнать, что хочет народ. Вот после этого начинал бы делать. Башки бы снимал всем абсолютно (СО, средний возраст).

Отношение населения республик к органам власти, другим государственным и общественным институтам в значительной мере проявляется в соотношении доверия и недоверия к этим институтам. Уровень доверия существенно различается и в большой мере повторяет общероссийские тенденции последних двух десятилетий. Как известно, население Союза, а затем и России в начале радикальных экономических и политических реформ испытывало наибольшее доверие к новым демократическим органам власти — парламентам, избранным народом — в отличие от органов исполнительной власти. Символами свободы стали независимая пресса и церковь, освобожденная от контроля власти. Эти три института пользовались наивысшим доверием народа.

По прошествии двух десятилетий население в значительной мере разочаровалось в парламентах, как и в большинстве органов исполнительной власти, не принеших ожидавшихся народом улучшений в уровне жизни, демократизации. И во всей России, в том числе в республиках Северного Кавказа, на вершине пирамиды доверия остались средства массовой информации, религиозные организации и верховные руководители страны — президент и премьер-министр.

При этих чертах сходства в кавказском регионе имеются существенные отличия от общероссийских тенденций.

У жителей всех республик наивысшим доверием пользуются старейшины — особый кавказский институт. Уровень доверия к ним везде превышает 70%; несколько выше он в Кабардино-Балкарии и Чечне — 84 и 90%, соответственно. Следующий по уровню доверия институт — это президент и глава правительства страны. Доверие к ним в среднем составляет около 65%. Оно выше среднего уровня в Чечне и Карачаево-Черкесии, ниже — в Дагестане и Ингушетии.

Почти такое же высокое доверие (63–65%) выражают люди к республиканским и центральным СМИ — телевидению, радио, газетам с небольшими различиями по республикам. Затем следуют религиозные организации — представители муфтията, исламские священнослужители, имамы — 60%, с более высоким доверием к ним в Чечне и Ингушетии — 86 и 75% и низким в Северной Осетии с преимущественно христианским населением — 19%. Доверие к этим институтам превышает недоверие в 1,5–2 раза.

К группе институтов со средним уровнем доверия, в которых доверие все же превышает недоверие, относятся главы, руководители республик, российская армия, партия «Единая Россия» и ученые. Особо высоким доверием к своему руководителю выделяется Чечня — 93% доверяют президенту; российской армии доверяют больше в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии; доверие к «Единой России» выше всего в Карачаево-Черкесии и Чечне; доверие к ученым выше в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии.

Институты, доверие к которым низкое (недоверие превышает доверие) — это все органы власти (кроме президента и премьера), большой бизнес и ваххабиты, религиозные экстремисты.

Представители всех органов власти, фигурирующие в опросе, парламенты, милиция, прокуратура, суды, государственные служащие характеризуются практически одинаковым соотношением доверия и недоверия во всех республиках — недоверие превышает доверие в среднем на 30%. Отсутствие различий в доверии депутатам и милиционерам говорит о сложившемся негативном образе всякой власти, независимо от ее конкретных функций. Различия между республиками проявляются лишь в том, что в Чечне и Ингушетии ко всем властям относятся с большим доверием, чем в других четырех республиках.

Низкое доверие к власти распространяется и на глав республик, которых большинство воспринимает как московских назначенцев, и будь их воля и свободные выборы, граждане поменяли бы всех республиканских лидеров, кроме главы Чечни (табл. 11).

Таблица 11 Ответы на вопрос: «Как Вы думаете, если бы главу Вашей республики напрямую выбирали жители, они выбрали бы нынешнего руководителя или другого человека?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Нынешнего руководителя	29	12	28	32	16	22	85
Другого человека	47	58	72	45	39	55	3
Затрудняюсь ответить	23	29	1	23	45	24	12

Столь же низким доверием, как и органы власти, пользуются представители крупного бизнеса республик. Выше доверие к ним также в Чечне и Ингушетии.

Наконец, формально самое низкое доверие у религиозных экстремистов, ваххабитов, тех, кто называют себя борцами за чистоту мусульманской веры. В подавляющем большинстве, судя по социологическим опросам, население не доверяет таким людям и

организациям — недоверие к ним превышает доверие в четырех республиках на 85%. Лишь в Ингушетии и Чечне доверие к ним выше — 12 и 9% соответственно.

Степень отчуждения, бессилие что-либо изменить

В российском общественном мнении сложилось устойчивое представление о Северном Кавказе как о проблемной зоне и источнике повышенной опасности. В июльском 2012 г. исследовании Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) [2] на вопрос: «Что Вам приходит в голову, какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите словосочетание Северный Кавказ?», — более чем у половины опрошенных (55%) возникли негативные коннотации:

- война, военные действия, вооруженные конфликты — 22%;
- взрывы, теракты, боевики, бандиты, преступность — 10%;
- насилие, смерть, тревога, страх — 10%;
- беспорядок, нестабильность, напряженная обстановка, «болевая точка» России — 8%;
- чрезмерное расходование денежных средств, отмывание денег, разруха, безработица — 2%;
- нетерпимость к кавказцам, нежелание сосуществовать с ними в одной стране — 3%.

С тем, что на Северном Кавказе нестабильная, беспокойная обстановка, солидарны 62%, с тем, что ситуация не меняется или ухудшается — 55%, с тем, что власти не контролируют ситуацию в регионе, согласны 40% опрошенных ФОМом россиян.

Все большее число людей приходит к мысли, что для достижения результата только финансового стимулирования Северного Кавказа недостаточно. Если в 2005 г. 20% респондентов были согласны с тем, что российские власти должны уделять Северному Кавказу больше внимания, чем другим регионам, то в 2012 г. таковых оказалось только 12%. Лозунг: «Хватит кормить Кавказ!» стал концентрированным выражением этих настроений и был поддержан не только националистической аудиторией.

Жители северокавказских республик ощущают эти настроения и реагируют на них очень остро. Для них очевидно, что в России они чужие, не имеют равных прав и возможностей.

Почему, если наш борец побеждает, то он россиянин, а если какой-то негодяй совершает преступление, то подчеркивается, что он, допустим, черкес? (КБР).

Впечатление о чужеродности в России создает почти непреодолимый негативный эмоциональный фон. У наиболее сильных это вызывает стремление к протесту, борьбе, которая в условиях Северного Кавказа почти всегда приобретает форму религиозного противостояния. Исламский фактор работает как защитный механизм, позволяющий сохранить свою идентичность, опереться на братство единоверцев. Иллюзорность такой защиты понимают только жители Северной Осетии, где христианское население испытывает не меньшие проблемы от принадлежности к группе «лиц кавказской национальности».

Исходящие от власти предложения обустроить жизнь на собственных территориях, а не приезжать в более благополучные регионы «со своим уставом» воспринимаются как дискриминация.

Ощущения бесправия, отчуждения от власти, от принятия важных решений для жизни людей проявляются в оценках отстраненности власти от народа. При этом население полагает, что руководители органов власти знают об их проблемах (см. рис. 8)

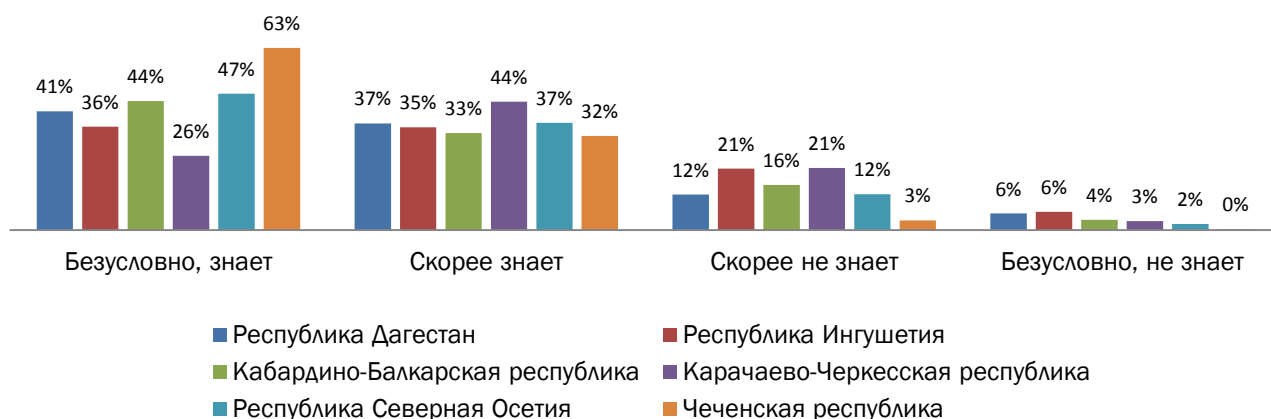

Рисунок 8 - Ответы на вопрос: «Как вам кажется, глава республики знает или не знает, какие настроения преобладают в обществе, о чем говорят и думают люди?», %

По оценкам опрошенных, уровень информированности глав республик о настроениях в обществе весьма высок. Более того, в большинстве случаев он выше, чем уровень информированности президента и главы правительства РФ.

Исключение составляют главы КЧР (в настоящее время в КЧР новый глава республики) и Ингушетии, степень информированности которых о настроениях населения оцениваются ниже, чем в других республиках.

В целом, результат замеров таков: высшие руководители страны и северокавказских республик **хорошо осведомлены** о проблемах населения и настроениях в обществе — так считают три четверти населения республик.

Однако, когда людей спрашивают, **учитывает ли власть** эти нужды населения при принятии важных решений, прислушивается ли к мнению народа, то две трети респондентов отвечают, что не прислушивается (см. рис. 9).

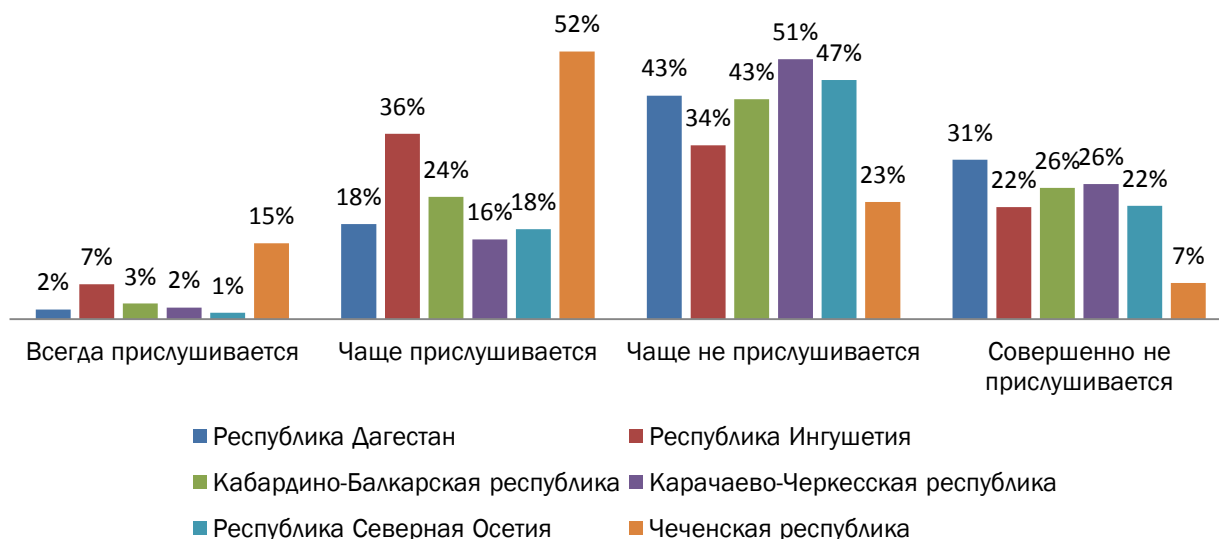

Рисунок 9 - Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, власть прислушивается или не прислушивается к мнению народа?», %

Таким образом, лишь треть жителей республик полагает, что власть прислушивается к мнению народа, две трети считают, что «чаще не прислушивается» (40%) или «совершенно не прислушивается» (23%). Наиболее критически оценивают власть жители Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Дагестана, несколько выше — в Ингушетии, значительно выше — в Чечне, где большинство полагают, что власть к их мнению прислушивается. Но даже здесь, где оценки работы руководства республикой чрезвычайно высоки, 30% полагают, что власть не прислушивается к мнению народа.

Если власть по своей инициативе не прислушивается к мнению народа, возможно, голос народа может быть услышан на выборах власти — региональной и федеральной? Результаты исследования показывают, что население не верит в возможность выборов для выражения массовых запросов и требований к власти, изменению самой власти. Вопреки официальным отчетам о массовом участии избирателей кавказских республик в выборах, их участие, по данным опросов, было весьма низким, и столь же низки были оценки честности этих выборов. Например, в Дагестане люди так характеризовали свое участие в прошлых выборах (рис. 10).

Рисунок 10 - Ответы на вопрос: «В стране время от времени проходят выборы. Скажите, пожалуйста, Вы лично участвуете в выборах всегда, часто, редко или никогда не участвуете в выборах?», %

При этом, по официальным данным ЦИК, участие жителей Дагестана в прошлых выборах было близко к 100% (однажды даже достигло 104%).

В целом по региону население республик так описывает свое участие в выборах (табл. 12).

Таблица 12 Ответы на вопрос: «В стране время от времени проходят выборы. Скажите, пожалуйста, Вы лично участвуете в выборах всегда, часто, редко или никогда не участвуете в выборах?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Всегда участвую	22	24	17	24	19	34	9
Часто участвую	27	24	27	27	34	24	29
Редко участвую	33	33	35	33	34	30	33
Никогда не участвую	17	18	22	16	10	11	29
Затрудняюсь ответить	1	1	0%	1	3	1	1

В большей мере неучастие в выборах объясняется неверием людей в честность выборных процедур (табл. 13).

Таблица 13 Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, выборы, которые проводятся в республике, проходят честно или нечестно?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Честно	6	2	11	3	3	3	21
Как правило, честно	20	10	29	21	17	18	36
Как правило, нечестно	38	43	36	40	45	41	19
Совершенно нечестно	22	32	21	21	19	19	11
Затрудняюсь ответить	14	14	2	15	17	20	14

В честность выборов верят меньше трети в большинстве республик, лишь в Ингушетии и Чечне таких около половины.

Наиболее одиозной представляется населению избирательная система в Дагестане, столь известном «выдающимися» данными ЦИК (рис. 11).

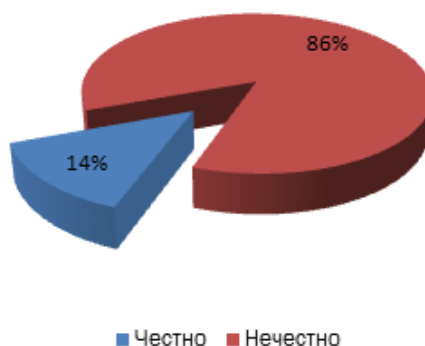

Рисунок 11 - Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, выборы, которые проводятся в республике, проходят честно или нечестно?», %

И дело не только в неверии в честность избирательной процедуры. Люди не верят в саму политическую систему, ее способность выдвинуть в органы власти представителей народа, желающих и способных выражать народные интересы и решать главные проблемы населения. И их основная форма реагирования — бойкотирование выборов, а не требования добиться честности выборов, в связи с чем лозунги московских митингов не нашли большой поддержки в регионе.

Протестовать или уехать?

Важным показателем степени удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью в республике, протестных настроений является численность людей, избравших в качестве ухода от проблем миграцию в другие регионы страны или за рубеж — в поисках работы, на заработки, на учебу или по другим причинам, а также планирование такого отъезда, «чемоданные настроения». Результаты исследования показали, в какой степени и почему люди «голосуют ногами».

Из ответов участников опросов следует, что у половины населения северокавказских республик кто-либо из близких родственников уже уехал в другие регионы России или за границу. Доля уехавших из Дагестана — около 60%, из Ингушетии — 33%.

В Чечне 68% опрошенных сообщили, что их близкие родственники покинули республику (см. таб. 14).

Таблица 14 Ответы на вопрос: «Уехал ли кто-нибудь из Ваших близких родственников из республики в другие регионы России или за границу?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Нет, никто не уехал	51	41	68	47	62	53	44
Да, уехали в другие регионы России	39	50	19	46	29	40	36
Да, уехали из России за границу	14	12	14	9	7	10	32
Нет близких родственников	1	0	1	3	1	0	1
Затрудняюсь ответить	1	1	1	0	2	0	2

18% опрошенных в целом по региону сообщили, что они сами или их близкие родственники в обозримом будущем собираются уехать из республики. Больше всего планирующих уехать в Дагестане – 26%, меньше всего в Ингушетии – 11% (см. рис. 12. и табл. 15).

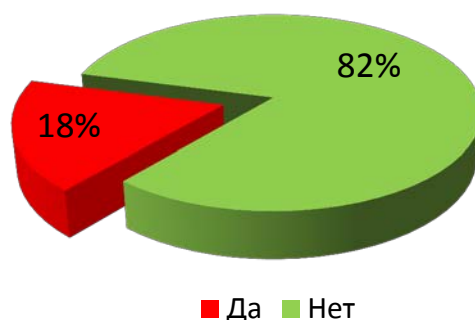

Рисунок 12 - Ответы на вопрос: «Собираетесь ли Вы сами или члены Вашей семьи уехать из республики в обозримом будущем?», % от всех опрошенных по региону

Таблица 15 Ответы на вопрос: «Собираетесь ли Вы сами или члены Вашей семьи уехать из республики в обозримом будущем?», %

Варианты ответов	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Да	26	11	20	16	16	15
Нет	74	89	80	84	84	86

В качестве цели своего отъезда 52% всех собирающихся уехать называют поездку на заработки, еще 12% – поездку на учебу. 34% намереваются переехать на постоянное место жительства. Эти цифры существенно различаются от республики к республике, при этом доля намеревающихся ехать на заработки, очевидно, отражает реальное экономическое положение в своей республике.

Хотя собираются сменить место жительства, т.е. уехать из своей республики навсегда, лишь треть планирующих отъезд, в реальности не вернутся домой около половины, что видно из их ответов на вопрос: «Собираетесь ли Вы потом вернуться в республику?». В среднем по

всем республикам 53% опрошенных собираются вернуться, 26% не собираются и 21% не смогли ответить определенно.

Таким образом, половина едущих на заработки или на учебу в другие регионы России или за границу также рассматривают возможность остаться жить на новом месте и не возвращаться. Очевидно, на миграционные настроения в значительной мере будут влиять решения основных проблем республик: безопасность людей, занятость, подъем жизненного уровня, состояние здравоохранения и образования.

О намерениях людей уехать говорили участники фокус-групп, приводя и свой личный опыт.

Я отсюда уезжала, потому что не могла найти работу по своей специальности и своим потребностям. Я вернулась сюда, и здесь стало гораздо хуже — предприятия закрываются, невостребованность идет таких специальностей как экономист и юрист (Северная Осетия — Алания, средний возраст).

Из-за терроризма у многих из числа молодежи такое мнение формируется, чтобы уехать из Дагестана. Я сам думаю, что после окончания своего вуза уеду туда, куда мне надо, в Россию (Дагестан, младший возраст).

Факторы, сдерживающие протестные акции

Большинство населения констатирует, что не сталкиваются с такими ситуациями, которые вызвали бы желание принять личное участие в коллективных акциях протеста. Однако треть ощущает такое желание: 11% респондентов ответили «безусловно, да», а 22% — «скорее, да». В то же время очевидно, что от декларирования до реальных поступков довольно большая дистанция.

При этом участники фокус-групп, например, в Кабардино-Балкарии, подчеркивали, что их желание публично протестовать сдерживается следующими обстоятельствами:

- 1 национальным менталитетом, которому свойственно отдавать дань публичного уважения власти;
- 2 традициями, когда член рода не может выступать против своих (младший чин клиентелы все равно считает себя членом семьи и надеется, что при определенных условиях будет защищен, а быть может, и вознагражден); например, в условиях КБР с ее сложным переплетением родственных отношений голосование «за» и выступление «против» зависят от того, не является ли родственником тот или иной субъект;
- 3 безработицей, когда любое не то что действие, но и слово «против» может привести к потере работы, а, следовательно, утрате всяких средств к существованию;
- 4 опасениями репрессий; любой протестующий может получить ярлык террориста и быть не просто наказан, а уничтожен;
- 5 отсутствием организационной силы; нет организаций, способных повести за собой массы людей;
- 6 дискредитацией (в том числе самодискредитацией) потенциальных лидеров протестного движения, которых всегда (при жизни) подозревают в корысти.

В этих условиях протесты в КБР обычно являются локальными и связанными с каким-то конкретным поводом: арестом, пропажей или убийством родственника, захватом земли или дома, увольнением и т.д.

Известно, однако, что опросы общественного мнения далеко не всегда могут уловить серьезность намерений и прогнозировать протестную активность населения. В этом смысле фокус-групповой мониторинг, беседы с экспертными панелями — методы более чуткие.

Пока не накопилась достаточная масса гнева, чтобы вывести людей на улицу (Прохладный, русские).

Была очень криминогенная обстановка, люди выходили на улицу, на митинги — что родители боевиков, что родители милиционеров (Нальчик, кабардинцы).

Почему протеста нет? Я протестую. Почему нельзя сделать, чтобы были достойные зарплаты? Почему в разных регионах зарплаты разные? Почему уровень жизни в разных регионах разный? Только я протестую про себя (Прохладный, русские).

Последняя ошибка Москвы — то, что напали на Нальчик сто человек вооруженных, забрали там главу администрации и еще несколько министров. Это могло бы вызвать возмущение, если бы президент не остановил как-то, не успокоил людей. Это нападение на мою республику! (Баксан, кабардинцы).

Антитеррористическая борьба и борьба с экстремизмом негативно влияют на мнение жителей. Власти в этом вопросе надо быть более открытой, особенно федеральным органам власти... (Кашхатау, балкарцы).

У нас больше склонность очень долго ждать. Очень терпеливо так ждать и надеяться на то, что произойдет чудо, и все-таки что-то поменяется (Нальчик, балкарцы).

Косвенную оценку питательной среды, кадровой подпитки терроризма дает ответ на вопрос об оценке численности людей, готовых пополнить ряды сопротивления властям (табл. 16).

Таблица 16 Ответы на вопрос: «Как Вы думаете, за последний год в республике стало больше или меньше людей, которые готовы пополнить ряды «лесных братьев» или примкнуть к активному сопротивлению?», %

Варианты ответов	Все	ДР	ИР	КБР	КЧР	СО-А	ЧР
Больше	22	39	14	22	24	13	3
Столько же, как и прежде	18	22	20	24	13	17	8
Меньше	21	10	28	28	5	12	52
Таких вообще нет	16	2	36	6	24	17	22
Затрудняюсь ответить	24	26	3	21	34	42	15

Эти оценки все же несколько ближе к личному опыту людей, основанному на общении с родственниками и знакомыми, по сравнению с общими оценками успешности противодействия терроризму, базирующимися скорее на материалах прессы, официальных заявлениях органов власти. Во всех республиках, кроме Чечни, от одной трети до половины населения отмечают наличие резерва у групп сопротивления, «лесных братьев»; в трех республиках отмечается, что людей, «готовых пополнить ряды», стало больше, в трех других —

что их стало меньше, причем в Чечне, по мнению жителей республики, они почти исчезли. При этом, например, в Карачаево-Черкесии, где отмечаются успехи в противодействии терроризму, 24% опрошенных отмечают рост сторонников «лесных братьев». Это вторая по величине оценка после Дагестана, где проблема стоит наиболее остро среди республик округа.

Оценка протестов в Москве и других городах

В декабре 2011 г. на вопрос о том, сочувствуют ли жители Кабардино-Балкарии протестным акциям в Москве и других городах, подавляющее большинство участников групповых дискуссий ответили отрицательно. В социологическом исследовании в КБР в июле 2012 г., несмотря на то, что протестная активность в Москве пошла на спад, заметно больше респондентов выразили если не поддержку, то сочувствие и солидарность с участниками антиправительственных выступлений. Вот цитата, точно передающая суть: *«Протестные явления, которые были полгода назад в Москве, они только [сейчас] доходят, осознаются здесь»*. Это сказано в небольшом поселке Кашхатау, а не в столице республики.

Количественное исследование также показало, что протестные акции, которые проходят в Москве и других городах, поддерживают 17% респондентов, и столько же относятся к ним сочувственно. Иначе говоря, около трети населения в той или иной мере солидаризируется с протестантами в столице. Очевидно, что это новое явление, которое отражает рост недовольства как местными властями, так и федеральными (табл. 17).

Таблица 17 Ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к протестным акциям (митингам, маршам), которые проходят в Москве и других городах – поддерживаете, с сочувствием и симпатией, с безразличием, с неодобрением, с осуждением?», %

Варианты ответов	Нальчик	Баксан	Прохладный
Поддерживаю	22	26	17
С сочувствием и симпатией	20	11	15
С безразличием	31	26	29
С неодобрением	14	15	21
С осуждением	6	7	14
Затрудняюсь ответить	6	16	6

Следует отметить, что у большинства участников фокус-групп преобладает негативное отношение к лидерам протестного движения в столице – Навальному, Собчак, Немцову, которое складывается под влиянием пропаганды федеральных СМИ. Да и само «московское» движение кажется в КБР явлением чуждым. Кроме того, за многие годы «демократии» население республики четко усвоило, что всякий политический лидер, выступающий против властей, действует прежде всего в собственных интересах, а о народе думает в последнюю очередь. В искренность политиков никто не верит. Устойчивость и поддержка на выборах существующей власти базируется на недоверии к конкурентам, которые наверняка будут еще хуже. Приведем высказывания участников групповых дискуссий в республике.

С жиру бесятся, один у меня ответ на этот вопрос (Баксан, кабардинцы).

Это дешевый пиар в собственных интересах (Нальчик, кабардинцы).

Нет солидарности с ними, это Москва! Мы здесь никогда не выйдем... От нечего делать это делается! (Баксан, кабардинцы).

Те проблемы, которые возникают в Москве, абсолютно чужды нам (Нальчик, балкарцы).

Мы боялись, что начнется анархия. Мы были, конечно, за Путина. Правда, за Путина старого, того, когда он впервые избирался (Кашхатау, балкарцы).

Смотришь на Москву и тех, кто протестует, и непонятно, по какой причине они протестуют (Прохладный, русские).

Я уверен, что еще одна кучка хочет просто добраться до власти (Прохладный, русские).

В этой волне было ощущение какой-то искусственности... (Нальчик, балкарцы).

В то же время высказывались и альтернативные точки зрения:

Протестные явления, которые были полгода назад в Москве, только доходят, осознаются, здесь (Кашхатау, балкарцы).

Я думаю, хорошо, что люди хотя бы выходят. У нас здесь вообще не выходят — вот в чем дело. Я думаю, хорошо, что они выходят отстаивать свои точки зрения. Они пытаются (Прохладный, русские).

Все это к нам имеет отношение! (Кашхатау, балкарцы).

Какая-то часть приходит за идею, а какая-то и за деньги (Прохладный, русские).

Я, например, уважаю людей, которые могут выйти и отстаивать свои позиции (Нальчик, кабардинцы).

...отдельные люди на митингах, я был с ними солидарен. Я сейчас не рассматриваю такие фигуры, как Немцов, Собчак... (Нальчик, балкарцы).

Я лично заполнял 30–40 бюллетеней в 2008 г., когда Медведев был президентом, и видел, как все происходит. Расписывался за чужих людей, скажем так. Противно. Конечно, поддерживаю (Нальчик, балкарцы).

К проблемам Кабардино-Балкарии, кроме Кабардино-Балкарии, никто и не обращается! Разве что союз Национальных меньшинств в Европе, который штампует резолюции и пытается обратить внимание властей. Властям наплевать на них. Мы смотрим ящик, и по ящику показывают какую-то ахинею против Америки, против Запада. Нам наплевать и на Америку, и на Запад! Мы не политики такого масштаба! Мы хотим детей растить. Для этого нужен нормальный гарантированный достаток, для этого нам нужна гарантированная личная свобода. И нам практически все равно! (Эксперт).

Заключение

Исследования, проведенные на Северном Кавказе, подтверждают, что в регионе нарастает недовольство. Жители считают, что в России они чужие, не равные по возможностям и отношению окружающих. Территория по-прежнему ассоциируется в России прежде всего с войной и опасностью, что ставит под сомнение возможность реализации самого известного проекта для региона — развитие туристического кластера. У людей на Кавказе преобладает впечатление, что Москва своими дотациями просто пытается откупиться от региона, «лишь бы там было тихо». Никакой внятной цели, программы развития, доступной населению, не сформулировано. Единственный успешный проект — восстановление и

развитие Чечни - дается такой «финансовой кровью», что рассчитывать на его распространение в остальных республиках не приходится. Зато внедрение чеченских практик управления в других республиках Северного Кавказа и даже за пределами региона считается вполне возможным сценарием, которому будет следовать власть в условиях нарастания протестной активности.

Все меньше людей готовы сопоставлять свою нынешнюю жизнь с разрухой и военным лихолетьем 1990-х. Выросло новое поколение, которое этого не помнит. Оно не находит себе применения в республиках Северного Кавказа из-за безработицы и коррупции. У людей среднего и старшего возраста воспоминания о войне все еще живы, поэтому они готовы принять ценности стабильности взамен экономического и социального прогресса. Молодежь, если ей не показать перспективы, будет все больше и больше уходить в исламские ценности, отрываясь от экономического, политико-правового и культурного пространства России.

Активная исламизация республик Северного Кавказа, даже тех, где сильны традиционные верования кавказских народов, — не только следствие мировой тенденции. Власть все больше пытается использовать религиозные институты для оказания влияния на людей. Как следствие, происходит естественный раскол на «чистый» и «нечистый» ислам и противостояние христианскому миру. Более 90% мусульман в Чечне и Ингушетии считают свою религию «единственной истинной религией», примерно так же радикально настроено казачество в отношении православия. Следовательно, терпимость к чужим только временная и вынужденная. Религия не может быть площадкой для нахождения консенсуса между конфессиями и народами, если она перестает быть частным делом, а становится одной из государственных программ.

Недовольство, которое проявляется в настроениях жителей Северного Кавказа, имеет глубокие исторические корни. Со времен Кавказской войны и депортации, административной «нарезки» территорий, двух чеченских войн и приватизационных захватов 1990-х сохранились проблемы, решения которых ждут народы.

Наряду с общими для всей России проблемами каждая территория и народ имеют свою актуальную повестку для возмущения. Именно эти специфические темы являются катализатором протестной активности. Земельный вопрос для балкарцев и народов Дагестана, проблемы Пригородного района для ингушей и осетин, стремление к объединению адыгов — проблемы столь острые, что откладывать их обсуждение, если не решение, равносильно сознательному возбуждению недовольства.

Конкретные протестные акции почти всегда возникают спонтанно. Похищения и захваты людей, наиболее наглые формы проявления коррупции, защита уволенного родственника — все это может дать повод для массового публичного протеста. Но представить себе сегодня многотысячные манифестации на Кавказе невозможно. Экономическое бесправие, менталитет, традиции, страх перед расправой, возможностью быть объявленным террористом сдерживает население от публичных форм выражения недовольства.

Волна солидарности с московскими протестами к лету 2012 г. докатилась до Северного Кавказа. Еще в декабре 2011 г. под влиянием СМИ преобладало мнение, что «москвичи с жиру бесятся», а лидеры оппозиции «корыстны и рвутся к власти». Хотя и сегодня лозунги и лидеры столичных митингов не близки большинству жителей региона, сама возможность публично выразить свои чувства оказалась созвучна потребностям населения.

Необходимо понимать, что для народов региона характерны гораздо более интенсивные коммуникационные обмены, чем, например, в Центральной России. Быстрый

обмен новостями и информацией является частью национальной традиции и менталитета. Интернет делает эти связи не только мгновенными, но и малоуправляемыми. Вероятность согласованных действий «разумной толпы», по сценариям, хорошо известным во многих странах, наиболее вероятна именно на Северном Кавказе.

Несмотря на по-прежнему высокий уровень доверия В. Путину, критика его и правительства становится все более осмысленной и открытой. Количественные методы не приспособлены для фиксации мотивов нарастающего настроения недовольства, зато качественные методы дают такую возможность. Около двух лет назад исследования стали фиксировать, что население региона осознает — источник коррупции не в местных администрациях, а в Кремле. Непопулярные главы регионов, которые долгие годы выполняли роль плотины, принимающей удар на себя и закрывающей президента России от народного гнева, перестали справляться с этой задачей. Разочарование результатами последнего десятилетия — основное настроение населения региона.

В обозримом будущем можно предположить рост протестной активности на Северном Кавказе. При существующем уровне коррупции люди не смогут ощутить на себе никакие миллиардные дотации. Попытки снизить протестный потенциал имитационными (политтехнологическими) методами результата уже не дадут. В ответ на системные проблемы нужны системные реформы, которые не будут ограничиваться только территорией Северного Кавказа.

Литература

- 1 Новое дело. 2011. 6 дек. ;.2012. 13 янв.
- 2 Обстановка на Северном Кавказе : оценка положения дел на юге России // ФОРМ MEDIA : [веб-сайт]. 2012. 26 июля. URL: <http://fom.ru/politika/10563>.
- 3 РИА Новости. 2012. 28 февр.
- 4 Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников, зима 2011–2012 гг. : бюл. Правозащит.центра «Мемориал. М., 2012.